

Глава 43. 3.5. Разбрасывание IQ для одинокого императора

В ту ночь сон бежал от Гань Ци. Он ворочался, вновь и вновь видя перед собой те глаза — беззащитные, надломленные, но полные отчаянного упрямства и бесстрашия. От этого воспоминания он ощутил немой, неудержимый трепет.

Он раз за разом возвращался мыслями к тому моменту, когда увидел Сяо Шуньцзы, рухнувшего под проливным дождем. Свой порыв, полный пугающей потери контроля, и то оцепенение, в которое его вверг страх за чужую жизнь, Гань Ци теперь считал чем-то запредельным, почти непостижимым.

Он ведь на руках принес мальчишку в свои покои. И лишь когда лекарь, прощупав пульс, заверил, что это всего лишь простуда и пара дней покоя поставят его на ноги, Гань Ци очнулся от удушающего омута тревоги.

Позже он сумел обуздать вспышку собственничества и нахлынувшее желание защитить этого человека, отослав его обратно в тихую обитель флигеля. Но Гань Ци не мог отрицать очевидного: даже на расстоянии все его мысли были прикованы к нему.

— Сяо Шуньцзы... — невольно произнес император.

Это обыденное имя, которое он произносил годами, теперь обрело иной, неведомый прежде вкус. Казалось, невидимая нить тянется от этого слова прямо к его сердцу: каждый раз, когда он произносил его — пусть даже мысленно, — пульс предательски ускорился.

Пока он тонул в этом смятении, из-за тяжелых пологов драконьего ложа раздался знакомый, чуть надтреснутый от слабости голос:

— Ваше Величество уже проснулись? Пора вставать.

Император вздрогнул. Там, за плотным шелком занавесей, совсем рядом стоял тот самый человек. Как и сотни раз до этого, он пришел служить своему господину, но на этот раз Гань Ци не нашел в себе сил ответить с прежним холодным спокойствием.

Всего за один неполный день мир вокруг него изменился до неузнаваемости.

Не дождавшись ответа, Су Юй снова негромко позвал:

— Ваше Величество?

Гань Ци болезненно вздрогнул. С трудом подавив странное волнение, он постарался придать голосу буднично-нейтральный тон:

— Сяо Шуньцзы?

— Это я, ничтожный раб. Позвольте мне помочь Вашему Величеству одеться.

Голос Су Юя в точности копировал интонации прежнего владельца тела: в почтительной манере слышались нотки едва уловимой, теплой улыбки.

Гань Ци сел на постели, не сводя глаз с неясной тени, отбрасываемой на шелковый полог. Он с трудом сглотнул.

— Разве ты не слег с лихорадкой? — глухо спросил он. — Мне не нужны твои услуги. Возвращайся к себе и не смей являться на мои глаза, пока не поправишься.

Как бы Гань Ци ни гнал от себя эти мысли, он знал: главная причина, по которой он вчера отослал евнуха, крылась в страхе. Он просто не понимал, как теперь на него смотреть.

Зная, что это неправильно и безумно, он все же поддался чувству, которое росло в нем вопреки всякой логике. Противостоять этому напору было выше его сил. Хуже всего было то, что на самом деле Гань Ци и не хотел бороться.

Всегда рассудительный и властный, в этот раз император не нашел иного выхода, кроме как бежать.

Но разве Су Юй мог позволить ему скрыться?

Он замер перед ложем и с легкой обидой в голосе произнес:

— Ваше Величество, раз уж вы гоните меня, позвольте хотя бы в этот раз исполнить свой долг. Иначе получится, что я зря тащился сюда больным через весь дворец.

Гань Ци никогда не был нерешительным человеком. В любой другой ситуации отказ прозвучал бы твердо и обоснованно: больному слуге не место в покоях господина, негоже подвергать государя опасности подхватить недуг. Но когда дело коснулось Сяо Шуньцзы, он не смог вымолвить ни слова.

Помолчав, император выдал лишь одно:

— Помоги мне облачиться.

— Слушаюсь.

Су Юй ловким движением откинул тяжелые занавеси. В то мгновение, когда преграда исчезла, их взгляды встретились — на краткий, почти неуловимый миг — и тут же разошлись.

Гань Ци замер, пока Су Юй помогал ему надеть парадное платье. Позы, привычные до автоматизма, сегодня казались неловкими, император не знал, куда деть руки. Лишь маска бесстрастного спокойствия, отточенная годами приемов и аудиенций, не давала его истинным чувствам прорваться наружу.

Су Юй же вел себя совершенно естественно. Его пальцы то и дело — казалось бы, невзначай — касались кожи Гань Ци. Каждое такое прикосновение отзывалось в теле императора томительным напряжением.

Сперва Гань Ци чувствовал лишь острое неудобство, но постепенно его внимание переключилось на бледное лицо Су Юя. Тот едва держался на ногах от слабости, но все же поднялся в такую рань, чтобы прийти к нему. Гань Ци невольно пронзила мысль: неужели этот человек делает всё это лишь для того, чтобы заставить его почувствовать острую жалость?

Осознание того, насколько глубоко этот евнух пустил корни в его душе, не на шутку испугало Гань Ци. Он пребывал в хаосе из потрясения и внутреннего сопротивления.

Как только с драконьим халатом было покончено, император, не дав Су Юю даже расправить складки, холодно отрезал:

— Довольно. Иди отдыхай. В ближайшие дни не смей приходить.

— Раб повинуетя.

На этот раз Су Юй был непривычно покладист. Он откланялся и вышел, не проронив ни слова. Гань Ци, который сам только что прогнал его, ощутил пустоту и глухое разочарование.

***

— Господин, сейчас же самый важный момент для прохождения героя! Почему вы так просто согласились уйти? — Кругляш снова засуетился. Еще недавно он сам отговаривал Су Юя приходить, а теперь паниковал из-за его ухода.

Су Юй лишь понимающе улыбнулся, его глаза блеснули:

— А разве я его уже не прошел?

— А? Но ведь герою всё еще нравится та девица? — Кругляш пребывал в полном замешательстве.

Су Юй бросил на Кругляша ледяной взгляд, от которого тот вздрогнул.

— Я... я имею в виду, что интеллект героя пока на нуле!

— Не беспокойся, всё под контролем, — легко бросил Су Юй и прикрыл глаза.

Он встал слишком рано. Самое время было досмотреть прерванный сон.

С того дня Су Юй и вправду занялся своим здоровьем. Он не покидал стен своего флигеля, ведя жизнь тихую и размеренную. Но для кое-кого другого покой стал непозволительной роскошью.

Гань Ци сам запретил Су Юю приходить, но именно это сделало его дни невыносимыми. Когда тот был рядом, император хотел бежать, но теперь, оставшись один, он мечтал лишь об одном — чтобы этот человек снова был перед глазами, под его неусыпным надзором.

Гань Ци в раздражении отложил кисть с кинovarью. Перед взором то и дело всплывал образ евнуха. Потирая переносицу, император признался себе, что теряет рассудок. Его одержимость Цинь Ижань, длившаяся годы, померкла перед этим новым, сокрушительным чувством.

Он был так близко, и в то же время — недостижим. Это ожидание превращалось в изощренную пытку.

Гань Ци уже боролся с искушением самому отправиться во флигель, как вдруг доложили: аудиенции просит Юэхун, главная служанка из Обители безмятежной радости.

Гнев вспыхнул в нем мгновенно. Кто-то снова посмел лезть к нему в такой момент. Гань Ци уже хотел прогнать ее, но Юэхун, не дожидаясь дозволения, влетела в кабинет и рухнула на колени.

— Ничтожная рабыня знает, что совершила тяжкое преступление, ворвавшись сюда! — запрочитала она, захлебываясь слезами. — Но молю Ваше Величество, примите во внимание мою верность госпоже и простите на этот раз!

Сказав это, она склонилась в земном поклоне, демонстрируя готовность пойти на смерть ради правого дела.

Раздражение Гань Ци достигло предела.

— Раз ты не знаешь правил поведения во дворце, значит, тебе здесь не место. Ступай вон из запретного города. Считай это моей милостью.

Юэхун застыла в оцепенении. Всё шло не по плану. Разве император, услышав о ее «верности госпоже», не должен был встревожиться за Цинь Ижань и простить дерзость служанки? Почему всё обернулось изгнанием?

— Что? Недовольна моим решением? — Гань Ци сверху вниз посмотрел на нее, насквозь видя её мелкие интриги.

Несмотря на ужас, Юэхун не посмела спорить.

— Рабыня не смеет! Ваше Величество проявили милосердие, смягчив наказание. Но молю, позвольте мне сказать последнее слово перед уходом.

Единственным шансом было упомянуть госпожу. Если император отправится к ней, Цинь Ижань найдет способ оставить верную служанку при себе.

Гань Ци откинулся на спинку трона, его взгляд стал непроницаемым.

— Говори. Но помни: если твои слова мне не понравятся, я могу и передумать насчет «милости».

Юэхун вздрогнула. «Передумать» в устах императора означало лишь одно — казнь.

Сжав зубы, она заговорила дрожащим голосом:

— Ваше Величество! С того дня, как вы ушли, госпожа совсем извелась. За считанные дни она так исхудала, что не может подняться с постели. Её сердце полно тоски по Вашему Величеству, она ждет вас каждый день, но гордость не позволяет ей просить... Я не могла больше смотреть на её страдания и пришла тайно, наперекор её воле. Молю, Ваше Величество, вспомните о прежней любви и навестите госпожу!

Закончив свою тираду, Юэхун замерла в ожидании.

Но она снова просчиталась. Гань Ци не бросился к выходу. Вместо этого он молчал, а затем в тишине кабинета раздался его холодный, издевательский смех.

Этот смех вызвал у Юэхун волну ледяного ужаса. Она боялась даже шелохнуться, похолодев от ужаса.

Гань Ци презрительно прищурился.

— Ты просишь меня вспомнить о «прежней любви» и навестить Цинь Ижань? Ну же, скажи

мне, о какой такой любви идет речь?

Юэхун задеревенела. Совсем недавно император был само воплощение нежности и заботы по отношению к её госпоже. Как же за несколько дней он мог превратиться в этого чужого, пугающего человека?

— Не можешь ответить? Что ж, тогда отвечу я, — пальцы Гань Ци мерно застучали по подлокотнику, и каждый удар отдавался в сердце служанки погребальным звоном. — Раз ты так радела за свою госпожу, не стоит тебе покидать дворец. Отправляйся-ка ты в Управление наказаний. Прямо сейчас.

<http://bllate.org/book/17580/1718992>